

«ГОРОДОК» — ЭТО СЕРЬЕЗНО

Известно, что Илья Олейников родился в Кишиневе, а Юрий Стоянов в Одессе — причем родились оба в один и тот же день, 10 июля, только с разницей в десять лет. И сами узнали об этом, когда одному было 30, а другому — 40, встретившись на одной из съемок в коридорах «Ленфильма» с полными сумками водки. Вот как описывает эту позыкивающую встречу Илья Олейников в недавно вышедшей книжке двух авторов: «Трогательно мы осматривали друг друга, радостно обменивались похлопываниями по плечу, и с каждым стаканом похлопывания становились все сильнее и радостнее, пока на наших плечах не появились два огромных синяка. Наша судьба была решена».

В конце марта на российском канале выйдет 73-й выпуск передачи «Городок» — очередная премьера на тему злополучного квартирника вопроса будет называться «Городок со всеми удобствами». Корреспондент «МН» присутствовала при чтении нового сценария, тихо хихикая в уголке и выглядя при этом полной идиоткой — потому что съемочная группа «Городка», анализируя репризы двух комедиантов, была не просто серьезна, а даже как-то мрачна.

Юрий Стоянов — режиссер-постановщик «Городка», из-за спины которого грустно улыбаются десятки фигурок Чарли Чаплина, безостановочно курил тонкие дамские сигареты и безжалостно отбраковывал ужасно смешные, но рискованные шутки, а я лихо радочно записывала их в блокнот, надеясь вечером порадовать родных.

— Зачем отбраковываете? — возмутилась я наконец. — Это цензура?

— Конечно, цензура, — согласился Стоянов, — я сам себе цензор и есть. Я, кстати, не помню, чтобы нам когда-нибудь сказали: «Э-э, ребята, это не пройдет», — просто есть какие-то вкусовые, профессиональные ориентиры. Например, все 73 «прикола» придумали мы сами, но я ни разу не использовал сюжета «скрытой камеры», в котором пришлось бы издеваться над стариками, — я не могу в этой стране приклеить бутылку водки клеєм «Момент» на дорогу и смотреть, как человек с ветеранскими колодками будет ее отдирает, хотя это, наверное, было бы очень смешно. Вообще именно «скрытая камера» как раз и требует самой большой цензуры и редактур, ведь некое издательство получается в любом случае. И зрителя мы ставим в такое очень сомнительное положение...

— Заставляете подглядывать?

— Нет, подглядываем мы, а зритель испытывает злорадное чувство: дескать, как мне хорошо тут у телевизора, в то время как кому-то там очень плохо. И всегда зрители говорят: «Ну не может

Юрий Стоянов и Илья Олейников семь последних лет живут в «Городке» — это, так сказать, общеизвестный и общероссийский факт. При этом мало кто знает, что штаб-квартира «Городка» находится в Петербурге, на набережной Фонтанки, между цирком и городским судом — от смешного до трагического, как известно, далеко ходить не надо.

быть, ну каким надо быть дебилом, чтобы в это поверить». Но ведь верят — у нас не бывает подстав в «скрытых камерах». Еще и поэтому всегда надо ставить себя на место человека, который идет навстречу этой «камере», — не показывать людей ворами, подонками, подлецами, жлобами, нет. А нелепыми, милыми, растерянными, глуповатыми, такими, чтобы это было смешно и необходимо. У нас много «камер», построенных на том, что люди верят в совершенно идиотские вещи: что почтовый ящик разговаривает, что ребенок лежит в коляске и просит налить ему водочки, при этом бывшая учительница говорит: «Нельзя ему, не давайте, холодную маленьким нельзя...»

— А были у вас проколы с «приколами»?

— Одна из последних «скрытых камер» меня перевернула — это когда мы натякали маленьких шпионских видеокамер в комнату, где всю ночь дежурит наш ночной охранник, вот это уже было грубейшим вторжением в личную жизнь человека на протяжении длительного времени. Я бы никогда этого не сделал, если бы не знал о двух вещах: во-первых, что наш охранник удивительно добрый и милый дядька, а во-вторых, о его особенности все время с самим собой вслух и довольно громко разговаривать. Передача называлась «Век свободы не видать», и охранник, который в силу своих профессиональных обязанностей находится в добровольном заточении, очень вписывался в этот сценарий. Правда, мы организовали огромное количество самых разных звонков, которые проводировали

его на смешные действия, но все равно результат нас потряс. Наш композитор, тонко чувствующий человек, сказал, что теперь мы просто обязаны весь город завесить плакатами: «Люди, будьте бдительны, вы в любую секунду можете оказаться в «скрытой камере», даже наедине с собой». Он очень трагически воспринял эту съемку. А я теперь надеюсь смонтировать из этой записи фильм, который будет называться «Одна ночь из жизни Ивана Савельевича». Там, помимо действительно смешных эпизодов, есть очень много трогательных вещей: это и Достоевский, и Шукшин, и что-то такое, что может произойти только с человеком, прожившим всю жизнь в этой стране. И хочу я это сделать не потому, что у меня какие-то драматические амбиции. Знаете, как говорят, у каждого трагика есть надежда, что он комический артист, а каждый комик в душе уверен, что он несостоявшийся трагик, — это глубочайшее заблуждение. Умный артист все про себя понимает, и потом Отелло сыграть легче, чем маленького чаплинского человечка. Я 18 лет проработал в Большом драматическом театре и, наверное, имею право так говорить.

— Вы ушли из БДТ, как пишете в своей книге, практически в никуда: Илья Олейников позвал — и вы ушли?

— Да, в 91-м году мы самонадеянно пришли на Ленинградское телевидение. Илья сразу решил обратиться к Кириллу Набутову — лучшему ведущему лучшей программы того времени на питерском ТВ, и в «Адамовом яблоке» возникла пятиминутная рубрика «Анекдоты от Адама». Идея была очень проста — работать вдвоем, экранизируя анекдоты, — тогда как раз был всплеск легализации этого жанра, выходили различные сборники анекдотов и так далее. Но мы, кстати, крайне редко ими пользовались — сами знали невероятное количество, и нужно было только отобрать из них, с нашей точки зрения, наиболее телевизионные. Так что, конечно, как пара мы притерлись друг к другу в «Адамовом яблоке». И там же я учился телевидению — мне приходилось быть репортером, администратором, сценаристом, узнавать, что такое свет, монтаж, камера, мне это ужасно нравилось. Потом нам стало мало пары экранизированных анекдотов в месяц, и мы поняли, что надо делать что-то свое.

— Вы сразу придумали «Городок»?

— Замысла как такового не было — мы просто хотели делать передачу для себя. Накопилось огромное количество загнанных внутрь умений, совершенно нереализованных ни в театре в моем случае, ни на эстраде в случае Ильи, и нас просто прорвало. На самом деле мы пошли очень странным путем — сейчас я могу сказать, что успех наш, если он произошел, стопроцентно свя-

Только надо было потихонечку подтягивать уровень своего телевизионного профессионализма к нашему актерскому умению. Я уверен, что если бы у нас тогда был режиссер, некая съемочная группа, в которую мы приходили бы как два снимающихся актера, то ничего бы не произошло.

— А что значит «все делали сами»: сами писали сценарий, сами монтировали, сами играли?

— Все. Весь технологический цикл этой передачи был полностью зациклен на нас — и все плохое в ней, безвкусное, пошлое было от нас, и все хорошее было от нас. Наверное, поэтому в «Городке» очевиден рост. Я смотрю иногда старые записи — мне страшно ста-

новится, как вообще это выходило в эфир! Но здесь, конечно, еще и невероятная заслуга тех людей, что работали тогда на российском канале, — мы попали в удивительное время безалаберной телевизионной юности и росли вместе с ТВ. Оно семимильными шагами бежало вперед — и технически, и в смысле ощущения себя как свободного СМИ, — нагло, было беспардонным, безвкусным, но это были болезни роста, и мы переболели ими вместе. Поэтому когда я говорю, что мне страшно смотреть «Городок» образца 1993 года, то посмотрите внимательно другие передачи 1993 года, они также все больны рахитом, но видно, что это можно исправить, — в них много вседозволенности, но много талантливого, много фантазии, выдумки, куража. Тогда мы все еще продолжали снимать анекдоты, и только около трех лет назад, когда нам удалось создать в Одессе авторскую группу, наш юмор стал стопроцентно эксклюзивен.

— Тексты для вашего «Городка» пишутся в Одессе, снимаете вы его в Питере, а похож он на тысячи российских провинциальных городков — как вам это удается?

— Если бы он был похож на Петербург или на Москву, его бы не приняли в Пензе, Вышнем Волочке или Печенге. Питер не может быть знаковым российским городом, он абсолютно западный, и в этом его прелесть. Но вот парадокс — снять эту передачу мы могли бы только в Питере, нас здесь все знают, везде пускают, начиная от подводной лодки или крыши Адмиралтейства до любой коммуналки. А населяют «Городок» люди, которых мы видим на гастрольных концертах по всей России. У меня профессия такая — людоед, я ем людей глазами. Вот недавно на Пальнем Востоке подслушал

в магазине одного мужика, который выговаривал продавщице: «Вот, Олюша, тот костюм, что ты мне давеча от Версаче оставила, я носить-то не буду, тот Версаче — полное говно...» Такие персонажи появляются в глубинке — лесом торгуют, заводы открывают, корабли строят, прямо хоть новую «Бесприданницу» пиши.

ДОСЛОВНО

С разрешения авторов мы публикуем некоторые фразочки из не вошедшего в «Городок» по причинам самоцензуры.

Однажды Фанни Каплан решила застрелиться, но промахнулась и попала в Ленина. И что смешно: Ленин выжил, а Каплан нет.

Владимира Вольфовича Жириновского очень хорошо знают в Англии, Франции и Израиле, поэтому его туда и не пускают.

Традиция гуманитарной помощи России от стран Запада берет свое начало в 1917 году. Тогда Германия прислала нам целый вагон с Лениным.

Однажды Ларису Долину спросили, как она смогла так похудеть. Лариса Долина ответила: «Идите вы на...» И лишь немногие поняли, что это рецепт.

На вооружение нашей милиции поступили кишечные палочки. Берешь ее в руку — и по кишкам, по кишкам!

Как обнаружили ученые, новых русских выводят путем скрещивания старых.

— А в политику вас, с вашей известностью, не тянут?

— Четыре года назад, когда Чернобырдин ручки домиком сложил, нас пригласили в Дом приемов в качестве деятелей культуры. Нам это ужасно приятно тогда было — дескать, заметили на правительственном уровне, но когда Чернобырдин сказал фразу: «Хватит нам делать по-маленькому, пора делать по-большому», — я убрался под стол и прохихикал там весь прием. Больше нигде не приглашали. И, кроме двух ТЭФИ, наград мы не имеем. Знаете, как Эфрос говорил: «Не заслужен, не народен, потому что благороден...»

— А как вы, два раза взяв ТЭФИ, относитесь к всевозможным телерейтингам?

— Мы вынуждены за ними следить, при этом прекрасно понимая, что рейтинг — это не более чем количество людей, смотревших нас в этот час. Например, мы одно время выходили параллельно с «Итогами» на НТВ — такая война вещательных сетей. Но я понимаю, что сегодня люди поставлены перед необходимостью знать, что происходит в нашей стране, потому что в ней меняется что-то каждую минуту. И они смотрели «Итоги», хотя вообще-то в здоровой стране должны смотреть «Городок».

Виктория ВОЛОШИНА, сборкор «МН», Санкт-Петербург